

УДК 140.8

DOI: 10.21146/1606-6251-2023-3/4-171-185

А.В. Трухан

К ВОПРОСУ О КРИЗИСЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Аннотация: Тридцатилетнее движение российского либерального государства в единое пространство западной цивилизации встретилось на своем пути с непреодолимым препятствием — историческим крахом либеральной идеи и глубочайшим идеократическим кризисом цивилизации модерна. Тезис И. Валлерстайна о крушении либерального миропорядка полностью подтверждается современным ходом мировой истории. Осознание неизбежности этого процесса актуализирует постановку вопроса о поиске российской цивилизационной альтернативы идеалу правового государства. Представленная статья посвящена теоретическому осмыслению феномена православного либерализма как основного препятствия на пути преодоления разрыва между советскими и православными идеалами в постсоветском идеократическом сознании.

Основной тезис статьи утверждает, что только через преодоление этого раскола возможно выйти на решение задачи определения искомой цивилизационной альтернативы. Актуализация темы исследования осуществляется в проблемном поле программной статьи Ю.М. Резника [7]. Главный акцент сделан на концептуальной критике солидаризации на антисоветском основании постсоветского православия с политическим либерализмом. В заключении предлагаются тезисы, обуславливающие решение главной задачи.

Трухан Анатолий Васильевич — кандидат философских наук, доцент, доцент Ростовского филиала ФБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия». (г. Ростов-на-Дону). E-mail: axioma.maxima@mail.ru

Ключевые слова: кризис постсоветской идентичности, российское либеральное государство, постсоветский антисоветизм, русский консерватизм, православный либерализм, либеральный тоталитаризм, советская идеократия, общественный идеал.

Предисловие. Тема православного либерализма [9] возникла в связи с постановкой проблемы кризиса постсоветской идентичности в идеократической парадигме [10]. Эта постановка выявила три линии разрыва целостности постсоветского идеократического сознания: между русским, советским и православным идеалами. В предыдущей статье был получен вывод: «Основной причиной этого раскола является солидаризация постсоветского православия с политическим либерализмом на антисоветской идеологической платформе» [9, 85].

В данной работе исследование феномена православного либерализма осуществляется в контексте проблемы поиска альтернатив российской либеральной государственности в условиях кризиса западного либерализма. Эта проблема была обозначена Президентом РФ в 2019 году: «Есть, вы знаете, современная так называемая либеральная идея. Она, по-моему, просто себя изжила окончательно» [6]. Актуализация задач отечественной философии в свете поставленной проблемы была дана в программной статье главного редактора журнала «Вестник РФО» Ю.М. Резника «Должна ли философия служить государству?» (2022 г.) [7]. Эта статья стала для нас приглашением к общественной дискуссии по заявленной теме.

Задачи отечественной философии в условиях «диктатуры либерально-западнической бюрократии». Свою трактовку безрезультативности 30-летних поисков постсоветской общественной мысли даёт главный редактор журнала «Вестник РФО» Ю.М. Резник [7]. Его статья содержит явный антилиберальный посыл, а по своей актуальности, остроте постановки вопросов и прямоте полученных ответов заслуживает самого пристального внимания в переломный момент современной российской истории. Для нас эта статья имеет особое значение, потому что позиция автора раскрывается в идеократическом ключе.

Основная причина кризиса постсоветского сознания видится автором не в отсутствии *государственной идеологии*, а в отсут-

ствии *государственной философии*. В статье можно выделить два основных тезиса. *Первый тезис* — только государственной философии под силу преодолеть идеологическую неоднородность постсоветского общества. Её «главная цель — обоснование культурно-цивилизационной миссии России в современном мире» [7, 7]. Такая постановка высшей цели общественного служения философии возможна лишь в *идеократической парадигме мысли*, в которой *общественный идеал выступает аксиологическим и телеологическим основанием общественного единства*.

Соответственно цели определяются основные задачи государственной философии: 1) корректировать текущий курс государства в соответствии с общественным идеалом, 2) «содействовать ...духовно-нравственному совершенствованию» государства на основании общественного идеала и 3) «способствовать укреплению и продвижению его цивилизационного статуса в современном мире» [7, 38]. Перед нами разворачивается «платоновский образ идеального государства и управляющих им философов» [7, 13] или идеократического государства Н.С. Трубецкого [7, 25].

Что требуется для реализации этого проекта? Ответ на этот вопрос даётся *во втором тезисе* — необходимо преодолеть «господство корпоративно-бюрократических структур и доминирования либерально-западной интеллигенции» [7, 20]. «...Философам нужно и должно служить государству, способствуя при этом его трансформации в жизнеспособный, человекоразмерный организм и препятствуя его окончательному превращению в либерально-бюрократическую корпорацию» [7, 20-21]. Главная проблема заключается в «одной трудноизлечимой социальной болезни России — бюрократии» [7, 7]. Она состоит в том, «что бюрократия, однажды поселившаяся в нашем доме (государстве), становится доминирующей формой власти, вытесняя другие формы, в т.ч. прямое народовластие (демотию), которое предлагали евразийцы вместо царского (а затем и большевистского) режима» [7, 24]. Что следует предпринять для решения этой проблемы? «И все же, несмотря на трудности, философы должны научиться работать с той частью бюрократии, которая относится к науке как к национальному достоянию России» [7, 25]. «Они обязаны наладить сотрудничество с

конструктивной и патриотической частью государственной бюрократии» [7, 26].

Ю.М. Резник разворачивает целую систему слагаемых философского служения государству. Его главный посыл адресован не только философскому сообществу, но и постсоветской бюрократии: «Философия должна быть общественно значимой, т.е. быть публичной дисциплиной и служить высоким общественным идеалам, а не интересам бюрократической корпорации, прикрывающейся вывеской “российское государство”» [7, 15]. Вместе с тем, в статье остается непояснённым отношение автора к самому либерализму.

С одной стороны, автор отмечает, «что значительная часть сообщества придерживается либеральной ориентации и продолжает определять умонастроения исследователей и преподавателей» [7, 8]. Он также не подвергает сомнению «высокие идеалы и ценности, записанные в Конституции РФ» [7, 24] и предлагает «сохранить *гуманистический* вектор развития российской философии, которой пока не удалось предложить и обосновать *конвенциональную и человекообразную* модель цивилизации, способной преодолеть раскол элиты и стать идейной альтернативой западной цивилизации (курсив наш – А.Т.)» [7, 18-19]. *Гуманизм, конвенциональность, человекообразность* – необходимые составляющие либеральной модели, в рамках которой невозможно предложить никакой альтернативы западному либерализму.

С другой стороны, автор сетует на запрет государственной идеологии де-юре (по действующей Конституции РФ), который не позволяет философам принимать участие в выработке и реализации её положений, поэтому «де-факто философы вынуждены исполнять идеологические стандарты, навязываемые им представителями либерально-западнического крыла бюрократии» [7, 21], «прислуживать интересам компрадорской (по сути) и околонаучной (по характеру) бюрократии» [7, 24]. Кроме того, автор отождествляет либерально-западническую бюрократию с «глубинным государством» которая «продолжает свой губительный (пролиберальный по сути) курс вопреки заявлениям Президента РФ о кризисе либерализма и исчерпанности потенциала либеральных реформ» [7, 21]. А также указывает на трансформацию либерализма в *либеральный тоталитаризм*, «вырождающийся местами в откровенный либерал-фашизм» [7, 25].

Так что же нам делать с либерализмом, либералами, либеральной бюрократией и либеральным государством в ситуации раскола «внутри самой политической элиты в целом и правительственной бюрократии, в частности, ...на два больших клана — либерально-западнический и консервативно-патриотический» [7, 11-12]? Почему же Президент медлит с политическим решением в пользу философов-патриотов? Мы полагаем, что для принятия такого решения Президент нуждается в получении от философов-патриотов альтернативного проекта государственного устройства, без которого невозможно взяться за перестройку либеральных стен российской государственности. Но такого проекта у нынешнего Президента России нет, как не было его и у президента Б.Н. Ельцина.

Мы полагаем, что ключ к решению проблемы находится в руках единственного идеократического института постсоветского либерального государства — Русской Православной Церкви. Именно русская церковь является носителем высших смыслов духовной идентичности исторической России. Поэтому из этого источника может исходить инициатива поиска цивилизационной альтернативы российскому либеральному государству. Однако эта инициатива блокируется феноменом православного либерализма, который в проблемном поле статьи Ю.М. Резника может быть определен как солидаризация постсоветского православного духовенства с либерально-западническим кланом политической элиты и правительственной бюрократии современного российского государства.

Концептуальная несостоятельность солидаризации постсоветского православия с политическим либерализмом на антисоветском основании. Антисоветизм — главная специфическая черта постсоветского православного либерализма. Исходными пунктами православного антисоветизма (церковного противостояния советской власти и отрицания её значения в мировой истории) являются следующие положения: 1) логическая несовместимость идеалов совершенной личности и общественного единства коммунистической доктрины (безрелигиозное и бесклассовое общество) с православными (Христос и Церковь) на философски-мировоззренческом и идеологическом уровнях идеократического сознания; 2) социально-политическая практика советского

государства, направленная на ограничение общественной доступности православного свидетельства миру и участия верующих в церковных таинствах; 3) репрессивный характер общественных преобразований, реализуемых советской властью, в частности, — масштабные гонения на православную церковь и верующих.

На основании этих положений в постсоветском православии утвердился вывод о богоборческой природе большевизма и о сатанинской природе советской власти. Несмотря на то, что истинность исходных положений достаточно обоснована, выводимые из них положения концептуально несостоятельны по причине ряда ошибок, совершаемых при переходе от посылок к заключению.

Первая ошибка — упрощённый подход к определению сущности большевизма и советской власти, игнорирование внутренних противоречий и конкретных социально-исторических обстоятельств, обуславливающих их социально-политическую практику. В числе последних главными являются социокультурные последствия развития капитализма, кризис идеалов европейского гуманизма и апостасия русского православия.

Вторая ошибка — позиционирование русской церкви в качестве главной жертвы советской власти, которое позволяет снять с церковного священноначалия ответственность за свержение самодержавия в России и последующий трагический ход советской истории. Данное понимание противоречит эсхатологическому учению церкви о конечных судьбах мира, согласно которому церковь является главным субъектом исторического процесса в христианскую эру.

Третья ошибка — односторонний подход к советской истории и игнорирование фактов, не вписывающихся в мифологическую логику православного антисоветизма, который не дает какого-нибудь внятного объяснения выдающимся достижениям советской эпохи. Это не только восстановление территориальной целостности России, пройденный путь «от сохи до ядерной бомбы» и победа в страшной войне над европейским фашизмом, но и достижение нравственного превосходства советского сознания (и советской культуры) над сознанием и культурой западного буржуазного общества.

Четвертая ошибка – солидаризация православного антисоветизма с антисоветизмом политического либерализма постсоветского российского государства на аргументе «абсолютизации» жертв политических репрессий.

Последняя ошибка составляет один из главных фокусов данной статьи. Для её изобличения необходимо, прежде всего, отметить, что предпосылки православного антисоветизма принципиально отличаются от исходных оснований либерального антисоветизма, базовые принципы которого могут быть представлены следующими положениями: 1) противоположность советских и буржуазных идеалов совершенной личности и общественного устройства: индивидуальной свободе противопоставляется коммунистический идеал общественного единства; 2) построению искусственного тоталитарного идеократического социально-политического строя противопоставляется естественное свободное развитие человека и общества при капитализме; 3) несовместимость советской практики политических репрессий над личностью с либеральной политической идеологией прав человека.

Сопоставляя исходные основания православного и либерального антисоветизма, мы можем увидеть, что единственной точкой совпадения их положений является третий пункт – репрессивный характер советской власти или аргумент о жертвах политических репрессий. В либеральной историографии данный аргумент выступает основным доказательством преступности советского государства. Солидаризация в этом пункте постсоветского православия с западным либерализмом является главным содержанием постсоветского православного либерализма.

Для либерального мировоззрения апелляция к жертвам политических репрессий является «абсолютным» аргументом, который разрушает любые доводы противоположной стороны. Нормативность этого приговора неоспорима, потому что свобода и жизнь человека определяются в ней высшими ценностями, которые, по сути, абсолютизируются при отрицании каких-либо иных абсолютов. Для православного сознания данная нормативность неприемлема, о чем категорично заявляет Архиерейский Собор Русской Православной Церкви в «Основах учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека»: «Права человека не могут быть выше ценностей ду-

ховного мира. Христианин ставит свою веру в Бога и свое общение с Ним выше собственной жизни. Поэтому недопустимым и опасным является истолкование прав человека как высшего и универсального основания общественной жизни, которому должны подчиняться религиозные взгляды и практика» (III.2) [8].

При этом надо понимать, что для *русского консерватизма* вера в Бога и религиозная практика не являются единственными ценностями, превышающими ценность человеческой жизни. Из трёх идеалов православного фундаментализма — «За Веру, Царя и Отечество!» — Вера и Отечество являются базовыми константами также и для идентификации православного либерализма. Солидаризация же постсоветского православия с западным либерализмом по вопросу абсолютизации жертв политических репрессий ставит под сомнение ценность Отечества, во имя которого эти жертвы были принесены, и накладывает на любую попытку мобилизации населения и ограничения прав человека во имя Отечества ярлык «тоталитаризма». Человеческие жертвы становятся мерилем добра и зла. Значимость и вес человеческих жертв превышает ценность осуществления исторической миссии и существования России. «Архипелаг ГУЛАГ» и канонизация новомучеников здесь соединяются в одну доказательную базу преступлений советской власти в постсоветском православном сознании. Массовый героизм и выдающиеся достижения советского народа перечеркиваются аргументом жертв политических репрессий (см. прим. 1).

Эта солидаризация православного сознания с либеральным концептом советского тоталитаризма невольно ставит под сомнение Победу СССР в войне с европейским фашизмом, последствия чего мы наблюдаем сегодня в феномене бандеризации общественного сознания на Украине, осуществлённого при определённом безмолвии не только со стороны российского либерального государства, но и со стороны постсоветской православной церкви. Последствия этого безмолвия и политического бездействия мы пожинаем сегодня на поле боя специальной военной операции. Эта постсоветская политическая катастрофа стала возможной в силу концептуальной несостоятельности не только постсоветской политической мысли, но и постсоветского православного либерализма.

«Еще раз подчеркнем, — пишет И.Н. Тяпин, — что практически все теории тоталитаризма и их последователи утверждают несомненную (для них) *тождественность* коммунизма и нацизма как антидемократических режимов, существующих в оппозиции “свободному” обществу либерализма» [11, 422]. Православная историософская мифологема противостояния Святой Руси и Сатанинской Совдепии, формирующаяся на ложных обобщениях о богоборческой природе большевизма и о сатанинской природе советской власти, желая того или нет, осуществила свою функцию сакрализации в постсоветском общественном сознании либерального концепта советского тоталитаризма.

О цивилизационных приоритетах России (вместо заключения). Тридцатилетнее движение российского постсоветского государства в единое пространство западной цивилизации встретилось на своем пути с непреодолимым препятствием — историческим крахом либеральной идеи и глубочайшим идеократическим кризисом западной цивилизации модерна. Тезис И. Валлерстайна «о том, что крах коммунистических режимов представляет собой не окончательный успех либерализма как идеологии, а решительный подрыв способности либеральной идеологии продолжать свою историческую роль», полностью подтверждается современным ходом исторического процесса [2, 6-7]. Проходит время глобальной гегемонии либеральной цивилизации и вместе с ним подходит к концу срок жизни российского либерального государства. Осознание этой исторической неизбежности актуализирует в отечественной общественной мысли постановку вопроса о поиске цивилизационной альтернативы идеалу правового государства. Для решения этой задачи по итогам проделанной работы можно сформулировать несколько тезисов.

Первый тезис. Цивилизационная идентичность исторической России имеет идеократическую природу. Структура и содержание этой идентичности представлена формулой русского консерватизма графа С.С. Уварова «Православие, Самодержавие, Народность», которая воспроизводит идеалы общественного сознания: «За Веру, Царя и Отечество». На философско-мировоззренческом уровне содержание этой идентичности выразил А.С. Панарин: «Наша идентичность в качестве Святой Руси и определилась в XV веке в форме народа — защитника

православного идеала, который больше некому охранять. Речь, таким образом, идет об идеократической идентичности, основанной на привязанности к священному идеалу — тексту и аскезе, необходимой для того, чтобы ему соответствовать и сберечь от посягательств» [5, 7]. На социально-политическом уровне этому идеалу соответствует самодержавная форма правления, идеократическую природу которого лучше всего определил Л.А. Тихомиров: единоличная власть Царя утверждается на нравственных отношениях с Народом в служении Православному идеалу. Чистым типом русского консерватизма является православный фундаментализм и теократическое государство. [8, 75-77]. Этот общественный идеал воспроизводится на архетипическом уровне русского идеократического сознания и определяет базовый уровень цивилизационного кода России как государства-цивилизации.

Второй тезис. Главными источниками кризиса постсоветской идентичности являются процессы социально-исторического разрушения базовых идеалов западного либерализма и русского консерватизма. Для первого — это трансформация классического либерализма в неолиберализм и далее — в тоталитарный либерализм. Для второго — церковная апостасия и падение нравственного авторитета русской церкви. Задача философского обоснования «культурно-цивилизационной миссии России в современном мире» (Ю.М. Резник) может быть решена только с учетом этих фундаментальных факторов воспроизводства европейского и русского идеократического сознания. Теоретическое осмысление значения этих факторов позволяет сделать вывод о невозможности в текущий исторический момент реализации чистых типов либерализма или русского консерватизма. С одной стороны, необходимо признать исторически несостоятельной попытку разработки и реализации собственной модели либеральной будущности России, о которой мечтал выдающийся русский правовед Б.Н. Чичерин (см. прим. 2), с другой стороны, — опасность авантюристических попыток восстановления монархии в постсоветской России, осуществляемых православным олигархом К. Малофеевым (см. прим.3).

Третий тезис. Исторический опыт России XX века показал чрезвычайную эффективность противостояния западной цивили-

лизации советского идеократического государства. Главная историческая роль этого проекта состоит в том, что в условиях разрушения в общественном сознании базовых цивилизационных идеалов Православия и Самодержавия в России была выстроена жизнеспособная социально-политическая система советского идеократического государства на идеале Отечества.

В условиях кризиса постсоветского сознания идеал Отечества является единственным основанием общественного единства в противостоянии западной цивилизации, который выступает связующим началом досоветской, советской и постсоветской России. Святыни русской земли, память предков, отеческие заветы — являются архетипами русского идеократического сознания. «В них обретает сердце пищу» (см. прим. 4), за них идут «на смертный бой» (см. прим. 5). Под знаменами освобождения «русской земли» поднялся советский народ на войну с европейским фашизмом. Под знаменами «русской весны» восстал Русский Донбасс и была начата специальная военная операция на Украине.

Четвертый тезис. Поэтому обращение к опыту реализации советского проекта является необходимым условием разработки и осуществления цивилизационной альтернативы российского либерального государства в современных условиях. Главное препятствие на пути социальной реактуализации советского проекта — солидаризация постсоветского православия с политическим либерализмом. Если использовать главный тезис программной статьи Ю.М. Резника, утверждающего, что главной болезнью российского государства является узурпация политической власти бюрократическим сословием (или корпорацией), то можно сказать, что второй по значимости болезнью является церковный сервилизм православного духовенства перед властью и превращение церковного служения в услужение. В нашем случае это услужение проявляется в церковном освящении антисоветского дискурса, которым не исчерпывается весь спектр церковных услуг, предоставляемых либеральной бюрократии.

Пятый тезис. На основании проведённого исследования социального феномена постсоветского православного либерализма в контексте концентриальной войны Запада с Россией можно сделать следующие выводы: 1) феномен православного

либерализма является орудием антироссийских политических сил в достижении своих целей; 2) основная цель этих сил состоит в использовании авторитета и ресурсов русской церкви и православной общественности для углубления раскола между советскими и православными идеалами; 3) главным инструментом углубления данного раскола является поддержание в общественном сознании антисоветского дискурса; 4) парадигмальным элементом этого дискурса выступает историософская мифологема противостояния Святой Руси и Сатанинской Соудепии.

В завершение обратимся к метафоре «возвращение белого парохода свободы» М.А. Абрамова, построенной на фактической основе высылки представителей русской либеральной мысли на «философском пароходе» в 1922 г. и возвращения уже самой мысли из эмиграции в постсоветскую Россию: «Но История очередной раз посрамила прогнозы и оптимистов, и пессимистов — в одно прекрасное утро россияне проснулись и обнаружили, что империи — нет, правящая партия исчезла как мираж, а вместо “Авроры” у причала покачивается белый пароход свободы». Свою мысль автор завершает вопросом: «Те, кто диалектику учил по Гегелю, не удивляются хитростям Мирового разума. И они, конечно, спросят: не совершает ли вновь прибывшее судно регулярные рейсы?» [1, 18].

Мы используем эту метафору для постановки своего вопроса: не пришло ли по расписанию регулярных рейсов время уступить белому пароходу свободы свое место у причала возвращающейся «Авроре»?

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамов М.А.* Неоконченная симфония русского либерализма, или возвращение белого парохода // Опыт русского либерализма. Антология. — М.: Канон, 1997. — С. 5-18.
2. *Валлерстайн И.* После либерализма: Пер. с англ. / Под ред. Б.Ю. Кагарлицкого. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — 256 с.
3. *Малофеев К.* Империя. Образ будущего / Малофеев К.В. — М.: Издательство АСТ, 2022. — 112 с.
4. Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека. Документ, принятый Архиерейским собором РПЦ 2008 г. // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/428616.html> (дата обращения: 17.09.23).
5. *Панарин А.С.* Православная цивилизация в глобальном мире. — М.: Алгоритм, 2002. — 496 с.

6. Путин назвал либеральную идею изжившей себя. 27 июня 2019 // URL:<https://www.rbc.ru/politics/27/06/2019/5d15085f9a794762b85bd0c2> (дата обращения: 17.09.23).

7. Резник Ю.М. Должна ли философия служить государству? // Вестник РФО. – 2022. – Вып. 3-4 (101-102). – С. 6-42.

8. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. – М.: ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 1998. – 672 с.

9. Трухан А.В. Советское идеократическое государство в ловушке постсоветского межвременья: от православного либерализма к советскому православию // Проблемы цивилизационного развития. – 2023. – Т. 5. – № 1. – С. 67-89.

10. Трухан А.В. Теократическое государство Моисея: феномен идеократического сознания в библейской историософии А.П. Лопухина // Бог. Человек. Конституция. Библейская философия права в научном наследии А.П. Лопухина (1852-1904) / Под ред. А.И. Овчинникова. – М.: Проспект, 2020. – С. 228-250.

11. Тяпин И. Либеральный тоталитаризм: основания концептуального синтеза // Тетради по консерватизму. – 2019. – № 1. – С. 421-431.

Примечания:

1. Необходимо напомнить сторонникам православного либерализма эпизод из ветхозаветной истории, в котором Господь совершает Свой суд над Своим народом за отступничество в идолопоклонстве золотому тельцу. Этим эпизодом мы иллюстрировали идеократическую природу теократического государства Моисея [10, 243]. «И сказал Господь Моисею: Я вижу народ сей, и вот, народ он – жестоковыйный; итак оставь Меня, да воспламенится гнев Мой на них, и истреблю их, и произведу многочисленный народ от тебя» (Исх. 32, 9-10). Только заступничество и мольба Моисея останавливает приведение в действие этого приговора. Однако, чтобы сохранить и вернуть отпавший народ под действие договора завета, Моисей сначала стирает в прах золотого тельца, растворяет его в воде и дает пить народу. Затем, видя необузданность народа, становится в воротах стана и произносит свой призыв: «Кто Господень, ко мне!». Далее, обращается к собравшимся на этот призыв всем сынам Левиным: «так говорит Господь Бог Израилев: возложите каждый свой меч на бедро свое, пройдите по стану от ворот до ворот и обратно, и убивайте каждый брата своего, каждый друга своего, каждый ближнего своего» (Исх. 32, 27-28). Не повторился ли в большевистской революции и советской власти «диктатуры пролетариата» суд над Древним Израилем?

2. Б.Н. Чичерин – первый, и едва ли не последний либерал-классик на Руси – в 1855 г. писал: «...Это знамя, которое может соединить около себя людей всех сфер, всех сословий, всех направлений. Это слово, которое может образовать могущественное общественное мнение... Это слово, которое изгонит из нас всю внутреннюю порчу, которое дает нам возможность стать наряду с другими народами и с обновленными силами идти по тому великому пути, которого залог лежит в высоких доблестях русского народа» [1, 5-6].

3. «Вне зависимости от того, кого Конституционное собрание назовет Государем Императором – Путина или наследника Дома Романовых, само возрождение Империи во главе с Божьим помазанником вернет Россию на путь ее божественного служения – быть Катехоном, удерживающим мир от зла» [3, 94].

4. «Два чувства дивно близки нам – / В них обретает сердце пищу:/ Любовь к родному пепелищу, / Любовь к отеческим гробам» (А.С. Пушкин).

5. «Вставайте, люди русские, / На славный бой, на смертный бой. /Вставайте, люди вольные, / За нашу землю честную!» (из фильма 1938 года «Александр Невский»).

A.V. Trukhan

ON THE ISSUE OF SEARCHING FOR A CIVILIZATIONAL ALTERNATIVE TO RUSSIAN LIBERAL STATEHOOD

Rostov branch of the Federal Budget Educational Institution of Higher Education “Russian State University of Justice”. E-mail: axioma.maxima@mail.ru

Abstract: *The thirty-year movement of the Russian liberal state into the single space of Western civilization encountered an insurmountable obstacle on its way - the historical collapse of the liberal idea and the deepest ideocratic crisis of modern civilization. I. Wallerstein’s question about what will happen to the world order “after liberalism” brought into sharp focus the question of finding a civilizational alternative to the ideal of the rule of law. The presented article devoted to a theoretical understanding of the phenomenon of Orthodox liberalism as the main obstacle to bridging the gap between Soviet and Orthodox ideals in the post-Soviet ideocratic consciousness. The main thesis of the article states that only through overcoming this split is it possible to solve the problem of determining a civilizational alternative to liberal statehood in the conditions of the civilizational crisis of the West. The actualization of the research topic is carried out in the problem field of the program article by Yu.M. Reznik [7]. The main emphasis is on the conceptual criticism of the solidarity of post-Soviet Orthodoxy with political liberalism on the anti-Soviet basis. In conclusion, theses are proposed that determine the solution to the main problem.*

Keywords: *post-Soviet identity crisis, Russian liberal state, post-Soviet anti-Sovietism, Russian conservatism, Orthodox liberalism, liberal totalitarianism, Soviet ideocracy, social ideal.*

REFERENCES

1. Abramov M.A. Neokonchennaya simfoniya russkogo liberalizma, ili vozvrashcheniye belogo parokhoda // Opyt russkogo liberalizma. Antologiya. — M.: Kanon, 1997. — 480 s. S. 5–18.
2. Vallerstayn I. Posle liberalizma: Per. s angl. / Pod red. B.YU. Kagarlitskogo. — M.: Yeditorial URSS, 2003. — 256 s.
3. Malofeyev K. Imperiya. Obraz budushchego / Malofeyev K.V. — M.: Izdatel'stvo AST, 2022. — 112 s.
4. Osnovy ucheniya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi o dostoinstve, svobode i pravakh cheloveka. Dokument, prinyatyy Arkhiyereyskim soborom RPTS 2008 g. // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/428616.html> (data obrashcheniya: 17.09.23).

5. Panarin A.S. Pravoslavnyaya tsivilizatsiya v global'nom mire. — М.: Algoritm, 2002. — 496 s.
6. Putin nazval liberal'nyuyu ideyu izzhivshey sebya. 27 iyun' 2019 // URL:<https://www.rbc.ru/politics/27/06/2019/5d15085f9a794762b85bd0c2> (data obrashcheniya: 17.09.23).
7. Reznik Yu.M. Dolzhna li filosofiya sluzhit' gosudarstvu? // Vestnik RFO. — 2022. — Vyp. 3-4 (101-102). — S. 6-42.
8. Tikhomirov L.A. Monarkhicheskaya gosudarstvennost'. — М.: GUP «Oblizdat», TOO «Alir», 1998. — 672 s.
9. Trukhan A.V. Sovetskoye ideokraticeskoye gosudarstvo v lovushke postsovetskogo mezhvremen'ya: ot pravoslavnogo liberalizma k sovetskomu pravoslaviyu // Problemy tsivilizatsionnogo razvitiya. — 2023. — Т. 5. — № 1. — S. 67-89.
10. Trukhan A.V. Teokraticeskoye gosudarstvo Moiseya: fenomen ideokraticeskogo soznaniya v bibleyskoy istoriosofii A.P. Lopukhina // Bog. Chelovek. Konstitutsiya. Bibleyskaya filosofiya prava v nauchnom nasledii A.P. Lopukhina (1852-1904) / Pod red. A.I. Ovchinnikova. — М.: Prospekt, 2020. — S. 228-250.
11. Tyapin I. Liberal'nyy totalitarizm: osnovaniya kontseptual'nogo sinteza // Tetradi po konservatizmu. — 2019. — № 1. — S. 421-431.

Поступила в редакцию 17.10.2023 г.